

ЧТО БЫЛО И ЧЕГО НЕ БЫЛО

Никита Богословский в представлениях не нуждается — знаменитый композитор, блестящий остроумец, яркий литератор. У него была очень интересная жизнь, и привычке записывать все самое примечательное он не изменял никогда. Прошло время, и на основе этих заметок появились маленькие рассказы, интересные, помимо прочего, своей «привязкой» к широко известным лицам. Два рассказа мы предлагаем читателям «Труда».

Мой друг и коллега, замечательный композитор Василий Павлович Соловьев-Седой любил общаться с народом. Ради этого он объездил чуть ли не всю страну. Однажды он задумал написать цикл песен о Сибири. «Для того чтобы узнать душу народа, его чаяния, его быт, его песни — надо побывать в самых заповедных уголках нашей Родины», — частенько говаривал он. И вот, приехав из

Добрались до места поздним вечером. Проявляя особое внимание к любимому композитору, ему отвели персональную утепленную палатку, где он, утомленный путешествием, сразу же, не поужинав с командией, улегся спать, предварительно обмазав открытые места своего организма спасительной финской жидкостью. И тут начался ад. Все злобные насекомые тайги, а, возможно, и всей Сибири напали на несчастного Васю, и

он обзывал последними словами негодяев продавцов, всучивших ему злосчастную жидкость, и грозился подать на них в суд. Пролетав в больнице дня четыре, Вася, еще со следами укусов, отбыл в свой родной Ленинград.

Через пару месяцев, приехав в Ленинград по делам, я, естественно, встретился со своим другом. И он, за рюмкой напитка, название я почему-то забыл, несколько смущаясь, что было для него не очень

О ТОМ, КАК АВТОРА ЕЖИК СПАС

Никита БОГОСЛОВСКИЙ

СОЛОВЬЕВ-СЕДОЙ ПОКОНЧИЛ С ТАЙГОЙ

ранах всех телевизоров города в течение 40 минут красовалось сообщение: «Перерыв по техническим причинам».

Нас с Ларионовым вывели каким-то сложным путем через тайный выход и быстро посадили в машину. Последнее, что мы увидели, покидая МГУ, это наряд конной милиции и огромную толпу, грозно орущую наши с Ларионовым фамилии (в основном мою). Вспомнились кинофильмы о революциях, где такие же огромные толпы, только похуже одетые, но вооруженные, требовали хлеба, свободы и буржуев на фонарях...

На следующий день в МК и ЦК состоялись срочные совещания, посвященные телевизионному ЧП. Многие начальники ТВ были уволены, исключены из партии, «награждены» выговорами.

А меня никак не наказали. Возможно, узнали о моем, как выяснилось, разумном предложении о ежиках. А быть может, по доброте душевной, свойственной этим организациям, просто простили...

своего родного Ленинграда в Москву, взял творческую командировку в Союзе композиторов и отправился (помнится, это был июль месяц) в небольшой сибирский городок, название которого я позабыл. Ну, это и неважно.

Знающие люди настойчиво советовали ему взять с собой средства, отпугивающие москитов, комаров и всяческую другую гнусь. Послушав опытных коллег, Вася купил несколько бутылок специальной противомоскитной жидкости финского изготовления и бодро улетел в дальние края, отпустив себе на эту поездку целый месяц.

Однако через три дня раздался телефонный звонок. Звонил Седой.

— Ну как борьба с кровопийцами? — спросил я.

— Ты не шути, пожалуйста. Я в больнице, в Москве.

— Медведь поломал?

— Да нет, совсем не то. С тайгой покончено. Приезжай, я все расскажу.

И вот что я узнал.

Прилетев на место, Вася неожиданно встретил приятеля — руководителя ленинградской геологической экспедиции, упрямый его взять с собой в тайгу. Приятель согласился, но предупредил, что комары и гнус зверствуют как никогда доселе, и посоветовал обязательно обзавестись накомарником. Но Вася гордо отказался, уповав на гарантированное финское средство.

каждая тварь норвила (причем с успехом) вонзить свой кинжал поглубже в бедную Васину плоть. Несчастный вертелся на постели, махал руками в десятки раз интенсивнее, чем это делает Валдис Пельш, вскакивал, хлопал себя по всем местам, еще раз обмазался финской (кстати, крайне вонючей) жидкостью — насекомые не сдавались... Все время прибывали новые снайперы, терзая организм страдальца, особенно предпочитая лицо бедняги... И так всю ночь, до утра, пока в палатку не заглянули ребята в накомарниках.

Надо сказать, что физиономия Василия Павловича никогда не отличалась худобой и бледностью, но теперь она побавровела, распухла, как арбуз, и была покрыта множеством волдырей и ранок — следами пребывания таежной гнуси. Остальные части тела тоже сильно пострадали.

Смерили температуру — 39 с лишком. Перебрали пострадавшего в городок, хотели положить в местную больницу, но наш герой все время повторял фразу из «Трех сестер» насчет Москвы, куда его, голубчика, и отправили ближайшим самолетом и где он отлеживался в Кремлевке (он был депутатом). Там я его и посетил. В пылу негодова-

характерно, рассказал мне финал этой сибирской истории:

— Первое, что я сделал, вернувшись домой, — рванул в весьма решительном настроении в проклятый магазин. Вызвал директора и в крайне резкой форме высказал свои претензии. Он, слегка улыбаясь, спокойно на меня смотрел и, когда моя гневная речь закончилась, спросил:

— А вы финский язык знаете?

— Нет, конечно.

— В этом-то и вся беда. До вас приходило с претензиями уже не мало народу. Дело в том, что жидкость эта чрезвычайно привлекательна для злобных насекомых, и в инструкции на финском языке сказано, что ее надо наливать в блюдечко и ставить на ночь как можно дальше от постели. Вас никто не укусит — все насекомые облепят блюдце. К сожалению, финны прислали инструкцию без перевода, что и привело к ряду печальных эпизодов. На днях мы с извинениями фирмы получили инструкцию по-русски. Может, теперь, узнав о методе использования, вы возьмете...

Я, недослушав, выскочил из магазина, с трудом удерживая на губах фразу из «ненормативных» слов...

В те давние времена, когда наше телевидение, постепенно обретая популярность, становилось на ноги, группа энтузиастов стала работать над развлекательными программами с вовлечением в них в качестве участников не только профессионалов, но и телезрителей, что казалось весьма перспективным видом работы с населением.

Была придумана постоянная передача «ВВВ» — «Вечер веселых вопросов» (по-моему, так расшифровывалась эта аббревиатура). В этой передаче ведущие давали задания телезрителям: куда-то съездить, что-то привезти в студию, взять интервью у интересного человека и т.д. Первые выполнившие задание получали призы. А в отдельных случаях добротам, присутствующим в зале студии, представлялись даже машины для скорейшего выполнения задания.

Первый выпуск «ВВВ» прошел с огромным успехом. А вот второй...

...Был разгар лета. И кто-то из участников творческой группы придумал такой сюжет: в июльский зной пригласить всех желающих срочно приехать в зал МГУ на Ленинских горах, откуда велась трансляция, в полном зимнем обмундировании — шубе, шапке, валенках... Предложение это было необходимо принято и утверждено начальством. Программу пригласили вести известного артиста Всеволода Ларионова и почему-то вашего покорного слугу.

Во время обсуждения сюжета с шубами я предложил добавить, помимо зимней одежды, еще одну какую-нибудь дополнительную деталь для уменьшения, возможно, чересчур большого напыла телезрителей-энтузиастов: например, каждый прибывший должен принести с собой живого ежа. Поток конкурсантов сразу ограничится — в огромной Москве наверняка есть несколько обладателей как не убранных зимних одеяний, так и симпатичных ежей. Но, увы, мое предложение было отвергнуто. И, как выяснилось впоследствии, зря.

Когда я со сцены зала МГУ объявил задание, пришла в лихорадочное движение вся Москва. Через пять минут за призом явились рабочие-ремонтники, живущие в общежитии в этом же здании и, естественно, не имеющие привычки сдавать свои зимние вещи в ломбард.

Судя по последующему потоку счастливых обладателей зимних доспехов, это были студенты, живущие тут же в общежитии. Сцена стала быстро заполняться одетыми не по сезону гражданами. А потом начали прибывать жильцы из других районов города. Многие на такси и на своих машинах. Создавались пробки. Милиция пропускала машины только в одну сторону. Все двери МГУ закрыли и поставили охрану. У главного подъезда собралась огромная толпа в шубах и-грозно требовала меня на расправу. На сцене бушевало человек сто в таких же одеяниях. А на эк-